

Кондратьев Иван Кузьмич

Раскольничьи гнезда

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Кузьмич К.**
Раскольничьи гнезда / Кондратьев Иван Кузьмич – М.: Книга по Требованию,
2025. – 208 с.

ISBN 978-5-519-90103-1

ISBN 978-5-519-90103-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Это и былъ самъ извѣстный въ то время, — конечно, тайно, — хлыстовскій лже-христосъ, третій по счету послѣ Суслова и Лупкина, Андреянъ Петровъ.

Петрову было около тридцати двухъ лѣтъ. Онъ былъ высокъ ростомъ, имѣлъ продолговатое лицо, поросшее не особенно густыми волосами, широкій ротъ и необыкновенно большіе, выразительные глаза.

Бездомный бродяга, круглый невѣжда, Андреянъ Петровъ сумѣлъ изъ уличнаго нищаго, въ тридцать два года добиться благосостоянія и почета не только среди такихъ же невѣждъ, какъ онъ, но даже и среди людей болѣе развитыхъ и высокопоставленныхъ. Хитрый до крайности, онъ и разбогатѣвъ, помимо дѣлъ своихъ съ хлыстами, не переставалъ ломать изъ себя юродиваго и предсказателя. Такъ его и звали среди народа за юродиваго-предсказателя.

Зналъ его съ этой стороны и пришедшій къ нему Меркурій Дмитріичъ, по фамиліи Сырейщиковъ московскій второй гильдіи купецъ.

Встрѣтилъ Сырейщикова Андреянъ Петровъ молча, устремивъ на него свои большіе глаза.

— Къ тебѣ, родненькій, — поклонился Сырейщиковъ Андреяну.

— Знаю твое дѣло, братъ, — отвѣтилъ глухимъ голосомъ Андреянъ и, быстро повернувшись къ Сырейщикову спиной, юркнулъ въ дверь.

Сырейщиковъ послѣдовалъ за нимъ. Вошелъ онъ въ обширную комнату съ выбѣленными стѣнами, въ которой, въ обоихъ переднихъ углахъ, вызвышались поставцы съ иконами въ кіотахъ и дорогихъ ризахъ. Кромѣ лавокъ у стѣнъ въ этой комнатѣ ничего не было. Комната эта предназначена была Андреяномъ для хлыстовскихъ „радшій“. Такъ какъ въ пей Андреяна не было видно, то Сырейщиковъ вошелъ въ отворенную дверь на лѣво, и очутился въ другой комнатѣ, нѣсколько поменьше. Стѣны ея были обтянуты обоями, стояли два кресла, нѣсколько стульевъ, мягкій диванъ, покрытый персидской парчей, на немъ подушка, а у ногъ былъ постланъ маленькій коврикъ.

На диванѣ, въ парчевомъ халатѣ, сидѣлъ Андреянъ, а рядомъ съ нимъ другое лицо, его другъ, Смурыгинъ.

При входѣ Сырейщикова, Смургинъ всталъ и проговорилъ бойко:

— Государя милостиваго слуга покорнѣйшій, не служащій капитанъ Смургинъ! Съ Андреяномъ Петровичемъ вмѣстѣ несемъ крестъ, спасаемся и гонимы вмѣстѣ отъ аспидовъ.

Гонимый этотъ, однакожъ, былъ необыкновенно бодръ, красивъ собой, и былъ моложе Андреяна Петрова по крайней мѣрѣ года па четыре. Особенную красоту и удалъ придавали ему красивые пушистые усы. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то необыкновеннаго покроя, васильковаго цвѣта, кафтанъ съ мѣдными пуговицами, и широкіе алые шаровары. Вообще, видъ имѣлъ представительный, но довольно странный. Онъ нѣсколько походилъ на маскараднаго героя.

Выслушавъ представленіе Смургина, Сырейщиковъ низко поклонился ему.

— Доложу вамъ, милостивый государь,—началъ Смургинъ,—Андреянъ Петровичъ пыче не особливо духъ Божій чувствуетъ, и по сему не соблаговолите ли зайги въ сіе мѣсто свято въ другорядъ.

Андреянъ Петровъ вдругъ вскочилъ, покачалъ, глядя на Сырейщикова, укоризненно головой, и вдругъ куда-то скрылся.

Смургинъ спокойно сѣлъ на его мѣсто.

— Ваше дѣло, сударь?—спросилъ онъ подъяческимъ тономъ у Сырейщикова, точно забывъ о томъ, что предлагалъ ему прійти въ другое время.

Сырейщиковъ нѣсколько замялся.

— Не бойтесь, сударь, говорите,—ободрилъ его Смургинъ.— Можеть, въ нашъ согласъ поступать желаете!

Сырейщиковъ замялся.

— Желаете?

— Другое дѣло у меня, родименькій, къ вамъ.

— Повѣствуйте, какое?

— Супруга, Богомъ мнѣ данная, плода не имѣтъ,—проговорилъ, понизивъ голосъ, Сырейщиковъ.

— И что жъ: плодъ имѣтъ желаете?—спросилъ, какъ-то искрививъ губы, Смургинъ.

— Такъ точно, батюшка мой.

— Посѣкаютъ бесплодную смоковницу,—началъ настоятельно Смургинъ,—только въ дни наши учить сего невозможно: народъ грѣхомъ обуянъ и людей Божіихъ мало

на свѣтѣ имѣется.—Гдѣ жить изволите, сударь? — вдругъ перемѣнилъ онъ тонъ.

— Педалеко-съ отседога, батюшка: у Трифона-мученика свой домишко имѣю.

— Близко, стало, отселева?

— Близехонько, батюшка мой.

Смурыгинъ помолчалъ, окинулъ взглядомъ съ ногъ до головы Сырейщикова, и думая про себя „экая дубина лѣсная“, — вдругъ спросилъ:

— А сколько твоей супружницѣ лѣтъ будетъ, позвоительно спросить?

— Лѣтъ двадцать пять, батюшка, будетъ, не болѣе, — торопливо отвѣтилъ Сырейщиковъ.

— А тебѣ, спрошу?

— Сорокъ пятый пошелъ.

— И сдобна изъ себя твоя смоковница безплодная?—продолжалъ допрашивать Смурыгинъ, какъ-то нетерпѣливо егоя по дивану и пытливо вскидывая глаза на Сырейщикова.

— Лицемъ Богъ не обидѣлъ, правду сказать, батюшка: красота писаная... Да вѣдь что жъ—баба, вѣстимое дѣло. Для соблазна нашего и сотворены онѣ, сами знаете.

— Ты дѣло говоришь, сударь мой!—прогорилъ, вставая, Смурыгинъ.

— Какъ не дѣло, батюшка! Тоже, вѣдь, на свѣтѣ живемъ, землю Божескую топчемъ.

— Ну, и ладно... а мы твоему дѣлу поможемъ, душа христіанская,—закончилъ свою рѣчь самоувѣренно Смурыгинъ, и съ какимъ-то особенно плутоватымъ молодчествомъ закрутилъ свои красивые, пушистые усы направо и налѣво.

Сырейщиковъ умалился и началъ низко-препизко кланяться Смурыгину, приговаривая:

— Батюшка, помози! все отдамъ, что имѣю... А ужъ какъ Авдотья-то рада будетъ—и-и, Господи ты, Боже нашъ!

Только-что Сырейщиксъ скрылся за дверію хлыстовскаго лже-христа, какъ самъ лже-христосъ, зло и глупо посмѣиваясь, вышелъ къ капитану Смурыгину.

— О-го-го-го-о, чурбанъ-то какой! — смѣялся онъ, держась за свои порядочно таки растолстѣвшіе бока.—Вишь, захотѣлъ чего! захотѣлъ ребятъ имѣть. Ай, простакъ! а, простакъ русачокъ нашъ — купчина! забытъ, какъ курица

яйцо высиживаетъ! О-го-го! — продолжалъ онъ гоготать, и но на шутку покатился со смѣху.

Смѣхомъ лже-христа заразился и красивый капитанъ.

Чистымъ, пріятнымъ баритономъ посмѣивался онъ, и приговаривалъ:

— Эхъ, и удружу же я ему! вотъ какъ удружу! по вѣкъ меня, капитана Смुरыгина, не позабудетъ!

— А чѣмъ, примѣрно! — спрашивалъ, смѣясь, Андреянъ, и лукаво подмигивалъ капитану правымъ глазомъ. — Чѣмъ, скажи-ка, дяденька?

— Самъ знаешь! — хохоталъ капитанъ, и въ свою очередь подмигивалъ Андреяну, но только лѣвымъ глазомъ.

Вдругъ Андреянъ мгновенно присмирѣлъ, и спросилъ серьезно:

— А про деньги ты пыталъ у него?

— Что пытать! деньги, знать, имѣть! — отвѣтилъ также серьезно Смурыгинъ. — У Трифона, говорить, домишко свой. Чай, домишко-то не пустопорожній стоитъ, какъ ты смѣкаешь о томъ, Андреянушка?

— Смѣкаю, ладно это, — осклабился лже-христосъ, — и пожива намъ будетъ знатная! вотъ что смѣкаю, Тихонъ!

— То-то, братъ! — значительно мотнулъ головой Смурыгинъ, и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, затянулъ:

Какъ у насъ было на семь свѣту, на святой Руси,
Въ славной матушкѣ, каменной Москвѣ,
Во Мѣщанской третьей улицѣ!

Андреянъ тоже подхватилъ. Пѣсня была общая, хлыстовская. Они пѣли:

Не два солнышка сокатилися,
Тутъ два гостя ликовалися —
Гость Андреянъ Петровичъ,
Гость Тихонъ, сударь, Минаевичъ!

„Андреянъ Петровичъ и Тихонъ Минаевичъ“ — составляли собственный ихъ варіантъ пѣсни. Въ настоящей, хлыстовской пѣснѣ упоминаются не опи, а Данило Филипычъ и Иванъ Тимофеевичъ, эти два первыхъ лже-христа.

Пріятный баритонъ Смурыгина и надтреснутый, дребезжащій голосокъ Андреяна, слились въ какое-то безобразное завыванье, окончившееся тѣмъ, что оба они, поднявъ полы, — одинъ халата, другой кафтана, — поднялись въ плясъ.

Глядя со стороны, можно было подумать, что это два сумасшедшихъ, только-что покинувшіе свои больничныя постели и ликующіе свободоу.

На дѣлѣ, между тѣмъ, было далеко не такъ.

Пройдохи, плуты, люди по-своему весьма умные, два хлыста, два друга, ворочившіе цѣлымъ хлыстовскимъ „кораблемъ“, посившимъ названіе „Варсопофѣевскаго“, притворство свое они довели до такой степени совершенства, что и между собою, наединѣ, съ глазу на глазъ, никогда не упускали случая покроводствовать. Такъ иногда, самъ того не подозрѣвая, вставляетъ актеръ въ свою разговорную рѣчь тирады изъ давно заученныхъ имъ ролей.

Андреянъ и Смурыгинъ были своего рода тоже актеры отличные.

Поплясавъ вдосталь, оба они сѣли и уставились другъ на друга глазами.

— Андреянъ!—началь Смурыгинъ,—а вѣдь животъ трапезы требуетъ.

— Требуешь, дяденька, требуетъ!—привскочилъ лже-христосъ, глупо оскалбляясь.

— Такъ благослови!

— Благословлю, дяденька, благословлю! — совсѣмъ уже привскочилъ лже-христосъ.

Привскочилъ, и—точно по шучьему велѣнію—исчезнувъ куда-то на минуту, притащилъ цѣлый ворохъ закусокъ, и постныхъ и скоромныхъ, съ прибавленіемъ къ нимъ настоекъ и винограднаго вина, до которыхъ они были большіе и рьяные охотники. Андреянъ привязался къ нимъ, нищенствуя, капитанъ—совершая трудные походы. Пили они, впрочемъ, равномерно много, не уступая другъ другу ни на одинъ волосъ.

Положивъ на-скоро семипоклонный, уставной „началь“, лже-христосъ и бравый капитанъ приступили къ дѣлу.

Дѣло пошло ходко. Черезъ часъ какой-нибудь, хлысты, развалившись на мягкихъ перинахъ, храпѣли уже во всю ивановскую... Здорово нагрузились хлыстовскіе коноводы...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Дьявольскія дудочки.

очь августовская, звѣздная, прохладная, повисла надъ Москвой.

Москва спала.

Въ старину,—а для насъ теперь старица, что было и за полтораста лѣтъ назадъ,—москвичи ложились рано и спали здорово. Еще живы были преданья другой старины, старины XVI и XVII вѣковъ, когда считалось за грѣхъ не спать послѣ обѣда, не вставать съ зарею и не ложиться съ другой зарею.

Спала Москва. А если кто не спалъ, такъ это собаки, которымъ все равно, когда бы не спать, да еще, пожалуй, два-три десятка сторожей, лѣпиво постукивающихъ въ чугунныя доски.

Одинъ изъ всѣхъ этихъ сторожей болѣе другихъ бодрствовалъ.

Это былъ сторожъ при домѣ купца Сырейщикова.

Истово ходилъ онъ у воротъ и еще истовѣе стучалъ въ чугунную доску.

Старъ былъ дѣдушка Стратилать, любилъ поспать, старыя кости въ могилу просились — не даво. А вотъ расходился же старица.

— Ге-ге!—кричалъ онъ время отъ времени, поглядывая на хозяйскія окна, сквозь которыя чуть чуть проскальзывалъ свѣтъ, и къ чему-то прислушивался. Прислушивался и снова ходилъ, ходилъ и постукивалъ въ чугунную доску.

Скучно старику. Отъ роду ему лѣтъ шестьдесятъ, а все это время онъ не видалъ и капельки счастья. Доля ужъ такая, видно. И дѣтей у старика много. А вотъ у хозяина дѣтей нѣтъ. И отчего бы, кажись: и богатъ, и у людей въ чести, и женка молодая, пригожая,—а все дѣтей нѣтъ. Плачется, а горю помочь не кому. Не разъ Меркурій Дмитричъ подходилъ къ старику: „Стратилать, ты благословенъ отъ Господа вишь—у тебя ребятишекъ-то сколько! А я, вотъ, четвертый годъ живу съ Авдотьей, и не взы-

сканъ“. — „Потерпи маленько, — утѣшаетъ Стратилать хозина, — пошлетъ и тебѣ Господь благодать. Все отъ него, Отца небеснаго!“ — Такъ-то, такъ, — мурлычетъ Меркурій Дмитричъ, и съ горя, на сытой лошади, въ хорошей повозочкѣ, везетъ молодую женку по Москвѣ. А Стратилату все плохо, Стратилать все въ какой-то копуръ живетъ, да черствый хлѣбъ жуеть...

Туговать на деньгу былъ второй гильдіи купецъ Сырейщиковъ. Да и странный какой-то: не то уменъ, не то глупъ. Больше помалчивалъ, чѣмъ говорилъ. Въ городѣ среди торговцевъ, — онъ торговалъ позументами и тесьмой вмѣстѣ съ тѣмъ, — всѣ его знали за человѣка съ мощной, но за копейкой къ нему не шли. „Скаредъ“ говорили они и сторонились отъ него. Сырейщиковъ и самъ сторонился отъ нихъ. Для того онъ и жилъ на окраинѣ Москвы. Лицо у Сырейщикова тоже имѣло видъ особенный: не то онъ тосковалъ о чемъ-то, не то думалъ глубокую думу. И тоска, и дума, казалось, какъ-то въ разъ когда-то появились на его лицѣ, да такъ и застыли навсегда. Жена тоже не особенно долюбивала его, но была вѣрна, какъ и подобало настоящей заправской купчихѣ. Женку свою Сырейщиковъ, не въ примѣръ другимъ купцамъ, кои своихъ женъ въ „страхъ Божиємъ“ содержали, — холилъ и лелѣялъ на славу. Ужъ и такъ хороша была Авдотья. Такую бабу хлѣбомъ не корми, она все же цвѣсти будетъ. А тутъ еще хола и забава. Просто баба загляденье сдѣлалась. Кого, бывало, не поглядить: ахнеть, да руками развести.

— И откуда, — промолвилъ, — благодать экая купчихѣ!

А купчина знай себѣ радуется, да благодарить Создателя за даръ ниспосланный.

— Не одобровать тебѣ съ женкой, Меркурій Дмитричъ, — пророчили завистники.

— Не долготъ вѣкъ бабѣ, — говорили другіе. — Не проста она ляхъ такой обрѣла.

— На свою голову обрѣла! — злились третьи.

— Сосудъ діавольскій! — ворчали старые раскольники, знакомые Сырейщикова.

А хлысть одинъ, увидавъ Авдотью, просто брякнулъ:

— Отдай памъ, Меркурій, свою женку: мы изъ нея свою.

пророчицу сдѣлаемъ. Ужъ больно она у тебя баба распрекрасная.

Покосился на хлыста Сырейщиковъ, и женку съ того времени не особливо-то въ люди показывать началъ. Догадался купчина, что баба „товаръ вольный“, „скользкій“, не запрешь — пропадетъ. Заперъ онъ Авдотью, то-есть не особливо заперъ, а такъ себѣ подъ надворъ особенный поставилъ, за то ужъ въ другомъ чемъ--еще пуще ублажать зачалъ. Живетъ Авдотья, цвѣтетъ день со дня. А дѣтей все нѣтъ. Плачется Авдотья. А мужъ еще пуще плачется.

Сойдутся, только и разговору:

— Кому, скажи-ка Дуня, — печалится мужъ, — мы оставимъ доброце наше, трудомъ нажитое?

Вздыхаетъ Дуня. Высокая грудь колыхнется, изъ глазъ чуть слезы не хлынутъ. Вздыхаетъ и молчитъ:

— Ужъ и невѣдаю, голубчикъ мой. Знать, по грѣхамъ по нашимъ. Въ старшій бы Іерусалимъ сходить.

— Въ Іерусалимъ? — переспрашиваетъ Сырейщиковъ, и послѣ этого долго молчитъ.

Человѣкъ онъ былъ религіозный, много суевѣрный и до-вѣрчивый въ дѣлахъ духовныхъ, а все же не вѣрилось ему, чтобы Іерусалимъ помогъ въ такомъ разѣ.

— Думаю я такъ, — рѣшалъ онъ наконецъ, — что здѣсь бы въ Москвѣ гдѣ-либо, знахаря поискать, али тамъ еще кого изъ юродивыхъ Христа-ради.

— Охъ, это бы еще лучше! — соглапалась пригожая женка, совсѣмъ не имѣвшая желанія отправиться въ неслѣдомый ей Іерусалимъ.

Случай Сырейщикову представился.

Тотъ же хлыстъ, что хотѣлъ изъ Авдотьи сдѣлать хлыстовскую пророчицу, разъ сказалъ ему на жалобу:

— Хочешь, миленькій, помогу тебѣ?

Сырейщиковъ вытаращилъ глаза:

— Ужли правда!

— Вратъ мнѣ нечего.

Тутъ хлыстъ отвелъ Сырейщикова въ сторону и сообщилъ ему секретно:

— Вы люди „гнѣздники“, „невѣрные“, „мірскіе“ люди. А мы „Божьи люди“, „стадо Христово“. Живемъ мы не такъ, какъ вы, „іудеи“. У насъ свои заповѣди. Далъ ихъ

„саваоот“, Данило Филипповичъ изъ „верховой стороны“ *). И гласить наша заповѣдь шестая: „Холостые не женитесь, женатые живите съ женами, какъ съ сестрами“. Мы свято чтимъ уставы наши. У насъ женъ нѣтъ, стало и въ дѣло такое промежду васъ, „невѣрныхъ“, входитъ намъ слѣдуетъ. Да ужъ что будешь дѣлать съ тобой. Купчина ты больно ладный и одолжишь мнѣ, коли что, позументику рубликовъ на пятьсотъ.

— Хоть на тысячу!—прикрикнулъ обрадованный Сырейщиковъ, съ нетерпѣніемъ ожидая, что дальше скажетъ хлысть.

А хлысть также таинственно продолжалъ.

— Сказываю я, помочь тебѣ возможно. А какъ,—ты слушай миленькій. Иди ты въ нашъ „сіонскій“ домъ, что у Сухаревой. Домъ-отъ Андреяна Петровича. Такъ въ міру онъ зовется. А промежду насъ онъ другую кличку имѣетъ. Клички той тебѣ не уразумѣть. Придешь ты и выкликнешь ты работника Андреянова, Ѳедора Перфильева. Малый онъ добрый. Вотъ, черезъ него ты и провѣдаешь, какъ увидать можно самого-то Андреяна Петровича. Увидишь ты ого, ну и повѣдаешь ему ты горе свое, онъ и смилуетъ надъ тобой, батюшка нашъ. Поможетъ. Вотъ тебѣ и сказъ весь, миленькій.

— Про Андреяна я кое-что слыхивалъ,—промолвилъ не смѣло Сырейщиковъ.—Слышно, онъ юродствуетъ и нѣмотой одержимъ.

— Теперъ нѣтъ. Огверзлися уста и глаголетъ.

Андреянъ Петровъ, третій хлыстовскій лже-христосъ, прикидывался сперва нѣмымъ. Нѣмота и вывезла его. Онъ составилъ сею свое имя. Ходилъ онъ, не будучи еще хлыстомъ, въ одной рубахѣ, зимою и лѣтомъ, скитался по Москвѣ и предсказывалъ будущее, объясняясь жестами и знаками. Это было въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Не прошло и пяти лѣтъ юродствования Андреяна Петрова, какъ по Москвѣ пронесся слухъ, что невѣдомо откуда явился блаженный юродъ, нѣмой, и безъ словъ предсказываетъ будущее.

Андреянъ Петровъ быстро вошелъ въ моду, и ему откры-

*) Верховной стороной у хлыстовъ называется Кострома.

лись дома не только страннолюбивых купцовъ и мѣщанъ, но и дома знатнѣйшихъ тогдашнихъ московскихъ вельможъ. Милость къ юроду они простерли до того, что на землѣ княгини Черкасской, у Сухаревой башни, выстроили ему домъ со всѣми принадлежностями. Дали ему лошадей, экипажи, человекъ десять прислуги изъ своихъ же крѣпостныхъ, словомъ—облагодѣтельствовали на славу...

До Андреяна Петрова хлыстовщина имѣла довольно неопредѣленный характеръ. По правиламъ хлыстовской ереси, всякая письменность относительно секты, ея ученія и ея исторіи, строго воспрещается. Поэтому, въ средѣ хлыстовъ, къ половинѣ XVIII столѣтія, относительно ихъ вѣрованій, явилась такая путаница и безтолочь, что Андреянъ Петровъ, въ сообществѣ Смургина, припужденъ былъ привести въ порядокъ всѣ тѣ темныя преданія, которыя уцѣлѣли въ устахъ старыхъ хлыстовъ. Какъ человеку по-своему умному и дальновидному, Андреяну Петрову нужно было остановиться, прежде всего, на первоучителѣ хлыстовщины, Сусловѣ, и сдѣлать его мученикомъ за свою вѣру.

Сусловъ, Иванъ Тимофеевичъ, былъ оброчный крестьянинъ Парышкиныхъ, и родился въ Муромскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Маклакахъ. Проживая въ Москвѣ, Сусловъ имѣлъ небольшую лавченку въ Масляномъ ряду, гдѣ больше сидѣлъ его приказчикъ. Близъ Донского монастыря у Суслова былъ свой домикъ, гдѣ, собственно, около 1700 года, и зародилась хлыстовщина. Въ немъ происходили первыя „радѣнія“, въ немъ же Сусловъ и поучалъ совратившихся. Суслову въ то время было не менѣе семидесяти лѣтъ. Какъ онъ додумался до „новой вѣры“, что собственно руководило имъ при уклоненіи отъ православія, въ чемъ заключалась его „новая вѣра“—неизвѣстно. Извѣстно только, по оставшимся слѣдственнымъ документамъ, что „радѣнія“ въ его домикѣ имѣли тотъ же характеръ, какой имѣли хлыстовскія „радѣнія“ и въ болѣе позднее время. Скорѣе всего сусловскія сборища имѣли характеръ мистическій, не имѣя, при томъ, никакихъ опредѣленныхъ цѣлей. Сусловъ умеръ по догадкамъ, въ 1720 году, и его погребли въ Ивановскомъ монастырѣ. Падъ могилою его поставленъ былъ памятникъ, надпись на которомъ гласила, что здѣсь погребенъ угодникъ Божій.